

Андрей Небольсин

Зил.
Слесарь

Андрей Небольсин

Зил. Слесарь

«Автор»

2026

Небольсин А. А.

Зил. Слесарь / А. А. Небольсин — «Автор», 2026

После пятидесяти лет, отданных родному заводу, герой выходит на пенсию. В день, когда он прощается с трудовой жизнью, его сердце останавливается. Однако смерть оказывается лишь переходом в новую реальность. Очнувшись, он обнаруживает себя в теле молодого человека. Перед ним открывается второй шанс: возможность прожить жизнь заново, с теми знаниями и опытом, которые он накопил за долгие годы. Теперь у него есть все: молодость, любимая девушка, работа на заводе и целая жизнь впереди. Но как распорядиться этим даром? Сможет ли он исправить ошибки прошлого и построить счастливое будущее?

Андрей Небольсин

Зил. Слесарь

Глава 1

В кабинете директора завода царил напряженная тишина. Из окна сквозь густую листву деревьев пробивались лучи солнца, освещая массивный дубовый стол, за которым расположился хозяин помещения. Директор завода был преклонного возраста, его седые волосы были аккуратно причесаны, а в лице застыла печаль. В кабинет, слегка сутулясь, вошел главный технолог завода, он присел на стул и взглянул на своего друга, с которым проработал пятьдесят один год. Он сидел, опустив плечи, будто тяжесть ответственности за технологические процессы завода давила на него. Глаза, когда-то яркие и полные энергии, теперь тускло смотрели из-под нависших век. Несмотря на преклонный возраст и болезни, он продолжал работать, потому что его знания и опыт были незаменимы. Оба мужчины знали, что разговор будет непростым, и директор Сергей Михайлович Брагин долго не решался начать говорить, он, опытный и уважаемый человек, долго подбирал слова. Он понимал, что увольнение главного технолога – это не просто формальность, это удар по человеку, с которым они прошли через множество испытаний. Приказ об увольнении с работы главного технолога пришел из администрации района, и директор обязан был подчиниться. Теперь он обдумывал слова, чтобы сообщить об этом мягко и с уважением.

– Петр Иванович, – начал директор, стараясь говорить спокойно и уверенно, – мы с вами давно работаем вместе, и я ценю ваш вклад в развитие завода, я не могу не вспомнить девяностые годы, когда все вокруг рушилось, и казалось, что выхода нет. В то время, когда многие предприятия закрывались, а люди теряли работу, благодаря вашей стойкости, мудрости и преданности делу, вы буквально вырвали наш завод из лап разрухи.

Директор взял графин, налил в стакан воды, немного отпил и продолжил:

– Ваши усилия и самоотверженность стали залогом того, что мы смогли не только выжить, но и сохранить коллектив, традиции и производственные мощности. Вы стали для нас символом стойкости и надежды. Я никогда не забуду, как вы, преодолевали все трудности, находили правильные решения, поддерживали людей и верили в лучшее будущее.

Директор, понимая всю сложность ситуации, решил подойти к этому разговору с особой деликатностью. Он знал, что главный технолог, несмотря на возраст и слабое здоровье, не хотел увольняться. Но под давлением сверху пришлось это сделать, но говорить об этом, своему другу и хорошему товарищу было трудно:

– Петр Иванович, – продолжил директор, – я понимаю, как вам тяжело, и мне нелегко говорить об этом. Но, к сожалению, обстоятельства складываются таким образом, что нам приходится принимать непростые решения. Как вы догадываетесь, это ваша жена настаивает, чтобы вы ушли с нашего завода. С вашей стороны может показаться это несправедливым, но идти против воли главы района я не могу.

Петр Иванович, а точнее, никто иной, как я сам, мягко сказать, очень расстроен; нельзя подумать, что я не был готов к такому разговору, конечно же, я его ждал, только всегда думал, что не сегодня. И вот этот день настал, меня по приказу моей жены увольняют с работы. Если хорошо подумать, то, может, и пора на заслуженный отдых, в этом году мне исполняется семьдесят три года. Пятьдесят из них я отдал родному заводу. Два инсульта за спиной, да и с остальным здоровьем не все в порядке. Но, как мне кажется, я еще полон сил и могу работать. А главное, мне не хочется сидеть дома с кошками, жена развела десятки кошек и считает это нормальным. Меня же терзает глубокая неприязнь к этим животным, их постоянное мяуканье, шерсть, словно пушистая чума, покрывает каждый уголок дома, превращая уборку в бесконечный и безнадежный труд. Этим вездесущих кошек я считаю символом хаоса и вторжения в мое

личное пространство. Домработницам она своих воспитанников не доверяет, считает, что они им могут навредить, и теперь решила, чтобы я лично следил за ее кошками, и мне придется с утра до вечера находиться среди этих хвостатых питомцев. Я только подумаю о них, и мне становится плохо.

Мысли унесли меня уже в домашнюю суету, я взглянул на директора:

– Да, Сергей, я понимаю, что это не твое решение, это все моя жена хочет, чтобы я сидел с ее кошками! – сказал я с отвращением.

– Сергей Михайлович, – послышался писклявый голос секретарши, – к вам делегация из второго цеха.

– Пусть ожидают! – резко произнес директор.

– Сереж, можно я буду приходить к тебе?

Я понимал, что директор никогда бы меня не уволил без команды сверху, но все же он чувствовал на себе определенную вину, может быть от того, что это именно он озвучил мне приговор. Старинный друг сел рядом, обнял меня за плечи и как в прежние времена продолжил:

– Петр Иванович, дорогой, да сколько хочешь, реши домашний вопрос с женой и сиди тут хоть с утра до самого вечера.

Я тяжело поднялся, молча вышел из кабинета, в приемной скопилось много рабочих, они увидели меня в расстроенных чувствах и засыпали вопросами:

– Иваныч, что с тобой?

– Как самочувствие?

– Что-то случилось?

Рабочие с озабоченными лицами обступили меня со всех сторон, кто предлагал таблетки, кто выйти на свежий воздух. В голове крутилось все в полном беспорядке, мне сейчас хотелось просто отдохнуть, теперь мне нечего здесь делать, я уволен с завода, не отвечая на вопросы, я направился к выходу.

Дверь за мной закрылась, оставив меня в коридоре, наполненным шепотом. Я чувствовал на себе их взгляды, словно невидимые нити, связавшие меня с тем, что осталось позади. Мне встречались люди, пытались со мной заговорить, но я смотрел себе под ноги, на затертый местами до дыр линолеум, но он был такой родной. Теперь мне придется ходить по паркету из зебрано, но он меня не будет так радовать, как это затертое дешевое покрытие, по которому я иду, может, в последний раз. Мысль о паркете, что лежит у меня дома, вызвал смешанные чувства. Конечно, пол в нашем доме покрывал самый дорогой и престижный материал, но я поймал себя на мысли, что даже самая красивая древесина не сможет заменить ту атмосферу, воспоминания и историю, которую хранил старый, протертый до дыр линолеум.

Три женщины, словно статуи застыли в кабинете, их глаза полные любопытства и легкой жалости, провожали меня до поворота.

– Все, он, не жилец! – прозвучал голос тихий, но отчетливый, словно эхо в пустоте. – Он без завода не сможет жить!

– Это точно, – добавила женщина с тонкими красивыми чертами лица и пронзительным взглядом, – жена его заставит за этими мерзкими кошками смотреть. Представляете, там слуг целый дом, а она им типа кошек не доверяет. Ей почему-то всегда кажется, что работники обижают её любимцев, когда никого нет дома.

– Вот, стерва! – вмешалась третья, ее голос был полон возмущения и сочувствия. – В управе ее все ненавидят, только сделать ничего не могут. У нее крыша кремлевская.

Голос за спиной прозвучал почти шепотом, словно раскрывая тайну, известную всем, но непрогнозируемую вслух.

Я каким-то пятым чувством слышал, о чем говорили женщины мне вслед, или представлял себе, что их слышу, я уже не понимал, что вокруг меня происходит. У дверей меня встретил водитель директора Прохоров:

– Иваныч, мне приказано вас домой доставить.

Я с трудом сел в машину. Водитель закрыл за мной дверцу, сел за руль, и машина тронулась. Мы проезжали вдоль всех цехов, невольно вспомнились шальные девяностые, когда московский завод ЗИЛ начал испытывать серьезные финансовые трудности. Жить и работать в стране советов, было просто, когда понимаешь, что за тобой стоит вся страна, и ты уверен, что если что-то пойдет не так на производстве, то есть правительство, есть партия, тебе обязательно помогут. Это создавало ощущение уверенности и стабильности, так как за каждым человеком стояла мощная государственная структура. Однако с распадом Советского союза в тысяча девятьсот девяносто первом году и переходом к рыночной экономике ситуация резко изменилась. Государственные предприятия столкнулись с серьезными трудностями, начались массовые сокращения сотрудников. Это был психологический стресс для людей, привыкших к гарантированной работе и социальной защите, которые оказались в ситуации неопределенности и страха за свое будущее. Мы проезжали мимо основного нашего цеха, по моей инициативе, в девяностых, мы стали тут выпускать запчасти для автомобилей, это и спасло наше предприятие от полного вымирания.

– Иваныч, не переживай ты так, – не выдержал водитель, – посмотри, среди какой красоты ты тут живешь, с утра встал и сразу в объятия природы. Сходил на рыбалку, тут рыба сама на крючок идет. Обрато идешь, грибов набрал. О такой жизни можно только мечтать.

Дом у меня был в Барвихе – это райский уголок, где природа и уют сливаются в гармоничное единство. Представьте себе просторный дом площадью четыреста квадратных метров, это не простое жилище, а настоящее произведение искусства, где каждый уголок пропитан атмосферой уюта и роскоши. Просторные комнаты с высокими потолками и большими окнами наполняются естественным светом, создавая ощущение простора и свободы.

Фасад дома выполнен в классическом стиле, с изящными колоннами и арками, которые придают ему величественный и неповторимый вид.

Сад вокруг дома – это настоящий оазис спокойствия и красоты. Зеленые газоны, цветущие клумбы и тенистые аллеи приглашают к прогулкам и отдыху на свежем воздухе. Пруд с кристально чистой водой и плавающими рыбками добавляют особую атмосферу уединения и гармонии.

И все казалось бы, хорошо живи и радуйся, но вездесущие живые комки шерсти мне не дают спокойно жить. Единственное место, где я мог от них спрятаться, это завод, но жена лишила меня этого убежища, и теперь десятки кошек только своим видом будут меня медленно убивать. Домой ехать совсем не хотелось:

– Останови здесь, я хочу пройтись! – попросил я водителя.

Прохоров затормозил, я хотел выйти легко и быстро, показать, что я в хорошем настроении, но вылез из машины с трудом, водитель немного понаблюдал за мной, и, пуская облако пыли, удалился. Я присел на лавку, воспоминание о спасении завода в девяностых не покидало, и эти воспоминания тревожили меня. Внезапно сильно кольнуло в сердце, затем стало невозможно дышать.

– Дед, ты как? – послышалось рядом.

Я медленно открыл глаза и посмотрел, фокусируя взгляд, рядом стояли двое молодых парней в военной форме, на солнце ослепительно блестели их ордена, притягивая взгляд. Я был поражен и растерян. Как они могли оказаться здесь, в Барвихе, неужели кто-то из здесь живущих, из этих богатых и влиятельных людей служит на СВО солдатами? Этот неожиданный момент вызвал во мне бурю эмоций.

– Дед, тебе плохо? – опять повторил военный.

– Сейчас посижу, отдохну и пойду домой! – проговорил я, язык шевелился с трудом и, очевидно, солдаты меня не поняли.

Я вдруг осознал, что лежу в пыли, я даже не помнил, как упал. Воины легко меня подняли и посадили на заднее сидение автомобиля.

– Куда вы меня везете? – с трудом проговорил я.

– В больницу!

– Не надо в больницу, я хочу домой!

– Дед, ты в плохом состоянии, мы своих в беде не бросаем!

Иногда мне казалось, что я себя чувствую хорошо, то вдруг в голове все начинало кружиться. Один солдат вел машину, другой не давал мне уснуть, он постоянно о чем-то говорил, лица его я не видел, перед моим взором блестели четыре награды, один из них орден Мужества, другие три мне неизвестные.

– Дедуля, все, приехали, выходи потихоньку, сейчас тебе помогут.

Я был покрыт грязью, словно сам мир пытался скрыть меня от чужих глаз. Падение с лавки в грязь оставило на мне следы. В приемном покое царила атмосфера напряженного ожидания и нескрываемое равнодушие. На столе стояли чашки с недопитым чаем, сидели две медсестры. Одна из них, женщина в возрасте с пышными формами, выглядела устало, но уверенно. Рядом с ней сидела другая медсестра, чуть моложе и стройнее, ее лицо выражало сосредоточенность, но в глазах не было ни капли сочувствия к пациенту. Врачи, словно равнодушные статуи, встретили меня холодом. Их глаза были пусты, а сердца приняли меня с пренебрежением, словно я был всего лишь очередным грузом, который нужно было куда-то пристроить. Я лежал на кушетке, казалось, что жизнь меня покидает, а они, словно в другом мире, ходили туда-сюда, попивая чай, и не обращая на меня никакого внимания.

– Вы тут медики или кто?! – возмутился один военный. – Человеку плохо, поставьте ему капельницу!

– Пошли вон отсюда! – возмутилась полная женщина. – Я сейчас охрану вызову!

Военные стояли у дверей, они были, мягко сказать, в недоумении на равнодушие к больным людям, которое царило в этом заведении, один из них сжал кулаки и со злостью произнес:

– Эх вы, люди – недочеловеки, на СВО вас надо, там бы вы научились любить свою профессию!

Солдаты подошли ко мне, попрощались. Военные вышли, и мне показалось, что с ними вышла вся моя надежда на спасение. У окна продолжали ленивые движения люди в голубых костюмах. Глаза мои отяжелели, но с этим стало спокойнее. Что держит меня в этом мире? Детей у нас с женой не было, жена, кроме кошек, никого не любит. С любимым детищем-заводом меня разлучили.

Глава 2

Туман в голове постепенно рассеивался, и я почувствовал, как мое тело медленно возвращается к жизни. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь редкими звуками медицинского оборудования. Мои мысли путались, и я не мог вспомнить, как оказался здесь. Последнее, что я помнил, – это военные, которые куда-то ушли, оставив меня одного. Наконец я собрал все силы и открыл глаза. Первое, что я увидел, – это лица врачей, склоненных надо мной. Но что-то было не так. Их взгляды удивили. Вместо привычного равнодушия и холодности, которое меня только что окружало в приемном покое, я увидел искреннюю заботу и участие. Врачи смотрели на меня с добротой и теплотой, их глаза были полны сочувствия. Они задавали мне вопросы, и их голоса были полны заботой, а прикосновения – нежными и уверенными. Я не мог понять, что происходит, почему врачи так сильно изменились. Даже одеты по-другому, не в голубые костюмы, а в белые халаты. Может, это другая больница, или жена моя тут уже всех

купила? Эти вопросы крутились у меня в голове, пока я пытался осмыслить происходящее. Я постепенно приходил в себя, осматривая все вокруг. Мое сознание медленно возвращалось, я начал осознавать, что лежу в палате, стены которой покрашены в синий цвет, кровати с железными дугами. Этот вид мне что-то напоминал, но я никак не мог вспомнить, где такая больница, хотя за последние пять лет я часто лежал в больнице. Рядом стояли еще четыре точно таких же кровати, одна была пустая, а на других лежали люди. Я посмотрел вниз и не увидел своего живота, вместо него я увидел полосатую пижаму, она мне тоже что-то напомнила, но как будто из другой жизни. В голове стало происходить нечто из ряда вон, мне вдруг показалось, что я вроде бы как и не я! Мне хотелось в этом убедиться, собрав все силы, поднялся и сел на кровати, раздался скрип пружин, этот звук меня ввел в ступор, и я опять упал на подушку. Что это за скрип, почему он меня так поразил, в голове возникали вопросы один за другим, а ответов не было. Мне хотелось опять сесть, но какое-то постороннее чувство останавливало меня, хотя тело поддавалось безболезненно, даже наоборот с небывалой легкостью. Мне хотелось вновь постараться сесть на кровать, но больше всего мне хотелось разобраться в себе, почему первая попытка сесть была неудачной. Не может быть, чтобы меня мог напугать обычный скрип пружин, нет. Но что тогда? А вот что! Внезапно меня осенила мысль. Меня напугали не скрипучие пружины, а то, что я поднялся, не ощущая боли в пояснице и тяжести тела. Хотел повторить попытку, но почему-то испугался, продолжил изучать больничную палату и собственное тело. Все, что меня окружало, казалось чужим, и в ту же очередь до боли знакомым, но по какой-то причине забытым. Пошевелил телом, болезненных ощущений нет, вздохнул полной грудью, опять все хорошо, я еще несколько раз глубоко вздохнул, мне показалось, что дышу я как бы чужими легкими, в них не было тяжелых хрипов, и при вздохе почему-то не поднимался живот. Продолжаю лежать и изучаю свое тело. А где мой животик?

Я положил руку на живот, он был совершенно плоским, моя рука приковала мой взгляд. Это была не моя рука, и тело это было не мое, и это сознание вызывало у меня страх и тревогу. Я поднял руки перед собой и увидел мощные бицепсы и трицепсы, рельефные мышцы предплечий. Я с удивлением смотрю на свои руки, ощущая их мощь и силу. Почему меня не оставляет чувство себя чужого в этом новом теле? И это вызывало у меня чувство беспомощности и растерянности. Мышцы, которые раньше казались тяжелыми и неуклюжими, теперь стали легкими и послушными. Кожа, гладкая и нежная, отзывалась на каждое прикосновение, как на шепот ветра. Я чувствовал, как энергия течет по моим венам, наполняя меня силой и уверенностью. Каждое движение приносило радость и удивление, словно я открывал для себя новый мир, полный возможностей и красоты. Я медленно стараясь не делать быстрые движения, приподнялся опираясь на локоть и огляделся. Комната была незнакомой, но в то же время такой родной, будто я вернулся домой после долгого отсутствия.

Я встал с кровати, мои ноги коснулись холодного пола. Шаг. Еще один. Каждый шаг отдавался в теле, но не болью, а удивительной легкостью. Я словно парил над полом, каждое движение было плавным и точным. Я остановился и посмотрел на свои руки. Они были молодыми, сильными, мускулистыми. Я сжал кулаки, и мышцы напряглись, словно готовые к действию. В моей груди поднималась волна радости и удивления. Наслаждаясь каждым шагом, я подошел к старому зеркалу, поверхность которого покрыта мелкими трещинками и пятнами от времени, словно сама по себе стала частью этого времени. Зеркало, когда-то блестящее и ясное, теперь отражало мир сквозь призму прожитых лет, добавляя каждому образу оттенок ностальгии и мудрости. Вглядываясь в отражение, я увидел молодого человека чуть больше двадцати лет, с лицом полным жизни и энергии. Глаза ясные и глубокие смотрели с удивлением и радостью. Неужели это я? Засыпал себя вопросами я. Мне очень понравилось мое новое молодое тело, я щупал руками лицо, рассматривал со всех сторон. Как получилось, и кто мне дал новую жизнь? Вопросов было много, а ответов пока ни одного, и что самое главное, не с кем было посоветоваться и спросить! Все придется познавать самому.

Я напряг свои мышцы и провел по ним рукой, ощущая их твердость и упругость. Это прекрасное чувство новизны и силы наполняет меня радостью и удивлением. Я понимаю, что произошло нечто невероятное, и теперь у меня есть возможность начать новую жизнь, полную удивительных возможностей и приключений.

Стоп, дал я себе команду, надо в здравом уме все проанализировать. Начнем с моего старого тела. Где оно? Я не знаю. Что меня держало в той жизни? Да, пожалуй, ничего. Жена? Я ее больше интересовал, как смотритель за кошками, а больше, кроме работы, и вспомнить нечего. Но теперь я в новом теле, и тело это мне нравится, начну новую жизнь. Какие возможности откроются передо мной?

Я решил, что не буду тратить ни минуты, а сразу начну жить полной жизнью, наслаждаясь каждым моментом. Я бросил последний взгляд в зеркало и осмотрел палату: на кровати сидели двое мужчин среднего возраста, они с трудом сдерживали смех. Я представил себе, как выглядел в тот момент, когда рассматривал себя в новом теле. Мне им хотелось задать множество вопросов, но я так же понимал, если задам все и сразу, то окажусь в такой же палате, только в психбольнице. Придется мне познавать новый мир в одиночку. Первый вопрос, кто я и как меня зовут?

Этот вопрос будто дал команду моему организму. Перед глазами отчетливо пронеслась жизнь незнакомого мне мальчика, я то видел его со стороны, то как бы изнутри. Я словно стал невидимым свидетелем, парящим над потоком времени. Жизнь молодого человека развернулась передо мной, как бесконечная кинолента, пронсящаяся сквозь годы. Я видел, как мальчик, хрупкий, болезненный и одинокий, рос в детском доме, где стены казались холодными, а улыбки – редкими гостями. Болезни его, словно тени, преследовали бесконечно, но не сломили. Я видел, как другие дети, словно хищники, кружили вокруг, нанося удары словами и поступками. Но парень оставался стойким, словно маленький дуб, что пробивается сквозь камни. Отличительные черты – ум и доброта – сияли ярче, чем любые обиды. Каждый миг его жизни, от первых неуверенных шагов до побед в учебе, от слез одиночества до редких моментов радости, теперь открылся для меня. Я видел все – и боль, и надежду, и силу духа, которая жила в этом молодом человеке, несмотря на все испытания, парень получился хороший. Я чувствовал, как мое сознание отрывается от привычного мира и устремляется в неизвестность. Куда меня теперь понесет мое новое тело? Мысли путались, но мне теперь верилось, и я уже почти чувствовал себя обладателем нового тела. Но стоило подумать, что так не бывает, как наваливался какой-то страх. Главное, чего я не знал, как мне теперь начать жить в моем новом теле, кое-какую информацию я получил. Но что будет дальше? Чем больше я в себе разбирался, тем больше я чувствовал, как моя собственная личность начинает растворяться, уступая место новому я.

В палату вошел главный врач, – высокий мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и уверенной походкой. Его лицо выражало спокойствие и профессионализм, в глазах читалась забота о пациентах. Он был одет в безупречно чистый халат, под которым виднелась темная рубашка и галстук. В руках он держал медицинскую карту. Его сопровождали несколько врачей, на лицах которых читалось легкое волнение. Главный врач внимательно меня осмотрел, сделал небольшую паузу, затем спросил:

– Ну что ж вы, голубчик, так неосторожно в поезде ездите?!

На этот вопрос мне было трудно найти слова, я молчал и делал виноватый вид, и действительно почему-то мне было стыдно перед этим врачом.

– Ну-с, молодой человек, как вы себя чувствуете? – спросил главный врач, заглядывая мне в глаза.

– Хорошо, – ответил я, и сам испугался своего голоса.

Теперь я говорил каким-то писклявым голосом, словно подросток, переживающий период ломки голоса. Этот высокий, звонкий голос казался мне чужим и нелепым. Я почув-

ствовал, как краска заливает мое лицо, и постарался говорить тише, чтобы хоть немного контролировать этот новый неожиданный звук.

– Готовьте к выписке! – дал команду доктор и вышел из палаты.

Я сидел на кровати из скрипучих пружин, обхватив голову руками, пытаюсь осмыслить происходящее. Главный врач мне сказал, что я упал в поезде, наверное, падая, я повредил себе голову. В словах доктора было что-то такое, что заставило задуматься. Неужели мое новое тело – это тело пьющего человека? Мысль о том, что я могу быть в теле человека, который злоупотреблял алкоголем, вызывало во мне смешанные чувства. С одной стороны это объясняло падение и травму, но с другой – я не готов был принять такую судьбу. Я не хотел быть тем, кем был этот человек до меня. Каким-то непостижимым способом в меня вселили информацию, я напрягался, хотел узнать о себе больше, но, к сожалению, я наткнулся на невидимую стену. Дальше моя память меня не пропускала, и это напрягало больше всего. Я чувствовал себя чужим в этом теле, словно гость в незнакомом доме хозяев, который пытается понять правила и привычки тех, кто жил в этом теле до меня. Я закрыл глаза, мне хотелось досмотреть тот ролик, который я смотрел про этого парня, но как я ни старался напрячь свои мысли, ничего в голову не поступало, поэтому теперь мое будущее было неопределенным.

Дверь скрипнула, на пороге появилась молоденькая медсестра, она приятно улыбнулась и, глядя на меня, сказала:

– Власов на выписку!

Я Власов, в моей голове что-то щелкнуло, стало интересно, как мое имя, задавать вопрос было боязно, могут оставить долечиваться. Но очень хотелось. В моей голове пронеслась надежда, мне сейчас должны отдать мою одежду и наверняка личные вещи, это может мне помочь. Я теперь знаю, какая у меня новая фамилия.

Тем временем девушка шла рядом по длинному коридору, стены которого выкрашены в бледно-зеленый цвет, а пол покрыт скрипучим линолеумом. Мы прошли мимо нескольких дверей с табличками, на которых я прочитал непонятные мне слова. Наконец мы остановились у одной из дверей, медсестра открыла замок своим ключом. Я вошел вслед за ней, в нос ударил спертый запах старых вещей. Девушка поковырялась на полках и вытащила наволочку с набитыми в ней вещами. Я взял мешок, на котором висела большая бирка с надписью «Власов АМ». Так, хорошо, я уже знаю свои инициалы. Как мне спросить у нее свои имя? В голове завис вопрос.

– Переодевайтесь в свою одежду! – сказала медсестра почти приказным тоном, села за стол напротив меня, она открыла толстую тетрадь и стала что-то записывать. Я с нетерпением развязывал шнурок на мешке из наволочки, мешок открылся, показались мои вещи, первое, что я извлек, это были джинсы «Монтана».

Я медленно оглядел комнату, в которой царил атмосфера советского прошлого. Над столом, за которым сидела медсестра, на стене висел календарь, словно перенесенный из другой эпохи. На нем красовалась большая картина, посвященная Первомаю – дню, когда трудящиеся всего мира праздновали свои достижения и единство.

На картинке был изображен рабочий, олицетворяющий собой мощь и силу советского народа. Над его головой, словно паря в воздухе, красовались большие красивые буквы СССР, выполненные в строгом, но торжественном стиле. Эти буквы, казалось, излучали гордость и уверенность в завтрашнем дне. Еще выше, на календаре, большими цифрами был написан год: тысяча девятьсот восемьдесят четвертый. Этот год, словно застывший во времени, напоминал о том, что когда-то все было иначе. Он вызывал в памяти образы эпохи, полной надежд и стремлений, но также и воспоминаний о строгом порядке и идеологии.

– Девушка, милая, сегодня какое число? – спросил я в надежде узнать дату; если она взглянет на календарь, то значит год как раз тот, который на календаре.

Девушка тяжело подняла голову и посмотрела на календарь.

– Двадцать пятое мая! – ответила девушка, потом продолжила: Переодевайтесь, я вас жду!

Я хотел снять больничные штаны, но обнаружил, что под ними у меня ничего нет. Стало неудобно, но голос медсестры звучал требовательно. Я отвернулся от нее и дернул штаны книзу. Из мешка достал трусы, быстро надел, затем джинсы и батник, на дне мешка лежал сверток, я развернул и увидел паспорт гражданина СССР и красный диплом об окончании металлургического техникума в Москве. Первым, что я открыл, это паспорт, на меня с фотографии смотрел молодой парень по фамилии Власов, Андрей Михайлович. Теперь понятно, в кого я вселился, вроде бы и неплохо, тысяча девятьсот шестидесятого года рождения, значит, мне сейчас двадцать четыре года. Какой прекрасный возраст! Диплом с отличием, без одной четверки, все складывается хорошо.

– Власов, вы как будто первый раз себе в паспорт посмотрели, давайте быстрее, вас там еще ваш друг дожидается уже третий час.

Друг – это хорошо, он мне сейчас все разъяснит. Посмотрелся в зеркало, на меня смотрел модный молодой человек. Я себе очень понравился, уж намного лучше выгляжу, чем раньше на восьмом десятке лет с двумя инсультами.

– Ну, что ж, я принимаю вызов судьбы! – глядя на себя в зеркало, произнес я.

– Вы про что? – удивилась медсестра.

– Спасибо, девушка, я пойду! – не отвечая на вопрос, попрощался я.

– Подождите, – остановила девушка, – дипломат возьмите!

Рядом стоял модный в те годы «дипломат», я решил проверить сразу и его содержимое, может, узнаю еще больше о себе, но он был надежно закрыт на замок. Я пошаркал по своим карманам, но ключа не нашел. Остается друг, который ждет на улице, может, он мне прояснит, что случилось со мной. Я снова попрощался с медсестрой и вышел на улицу, там ко мне подбежал среднего роста парень лет двадцати с длинными волосами и слегка загорелой кожей. На нем простая рубашка в синюю и белую клетку с закатанными рукавами до локтей. Рубашка заправлена в черные брюки, на ногах изрядно потертые черные туфли. Он быстро что-то говорил, интересовался про здоровье.

– Что со мной, было? – спросил я.

– Ты что, ничего не помнишь?

– Я сейчас, как младенец, который только что родился!

Парень на меня посмотрел с сочувствием.

– С чего начинать?

– С того дня, когда мы с тобой познакомились.

Друг, которого я совсем не помню, посмотрел на меня как на умственно больного, мы отошли от больницы, присели на лавочку. С этого места хорошо просматривалась больница, в ней было нечто, что притянуло мой взгляд, и я с непонятной ностальгией рассматривал старое здание. Больница имела несколько этажей, каждый из которых разделялся горизонтальными линиями, подчеркивающими её масштаб. Небольшие прямоугольные окна создавали ощущение строгости и функциональности. Вход в больницу обрамляли массивные бетонные колонны, которые поддерживали навес, защищающий посетителей от дождя и солнца. Перед зданием располагался большой сквер с деревьями, кустарниками, многочисленными асфальтовыми дорожками через весь сквер, по обеим сторонам которых возвышались деревья, создающие приятную тень в жаркие дни. На многочисленных лавочках сидели люди в больничных костюмах, многие из них увлеченно читали книги, другие о чем-то оживленно беседовали. В просторной деревянной беседке, окруженной цветущей сиренью, собралась группа мужчин в больничных пижамах, одни из них оживленно играли в домино, а их громко поддерживали возбужденные болельщики.

Этот сквер меня поразило больше всего не только как идеальное место для прогулок и отдыха больных людей, прежде всего меня накрыла некая ностальгия. В памяти поочередно всплывали обрывки воспоминаний, образы, звуки, запахи. Я не мог понять, из какой жизни идут воспоминания, которые переполняли мой мозг, и чем больше я в них хотел разобраться, тем больше я понимал, что эти все мои воспоминания слишком размыты, чтобы сложиться в четкую картинку. Это чувство дежавю оставляло меня в непонятной задумчивости и ностальгии.

Мой друг подождал, пока я рассматривал больницу и парк, а когда я повернулся к нему, он глубоко вздохнул, поправил красиво уложенные волосы и начал рассказ:

– Мы с тобой в техникуме учились три с половиной года, в один день в армию уходили, но я попал в Венгрию, в танковые войска, а ты в Рязань десантником. Встретились мы с тобой через пять лет на вокзале в Москве, я ехал работать во Мценск, у меня тут родственники, и ты решил со мной поехать. Ты в вагоне выпил прилично и стал показывать попутчикам, как десантники с третьей полки головой падают и им ничего не делается. А получилось вот как!

Я провел по голове, нашел три шишки, они немного еще болели.

– Я три раза прыгал?

– Вспоминаешь, да? – обрадовался друг.

Мне стало неудобно воспринимать мое новое тело как пьющего человека, но приходилось, надо этого моего друга хорошенько расспросить:

– В моей памяти совсем ничего не осталось, я даже тебя, как зовут, не помню.

– Меня Толик Ермаков зовут, ну а ты хочешь о себе узнать правду или тебе наврать? – в голосе Толика слышалось издевательство.

– Говори, Толян, все, как есть, если я какую-то часть своей жизни прожил несправедно, то пусть я это узнаю сейчас от тебя. Сделаю необходимые выводы и, быть может, я еще стану хорошим человеком. Если раньше был плохим...

– Да нет, ты уж так не пугайся, ты нормальный парень, отличник, мне всегда давал списывать на уроках. Я зубрил все уроки, чтобы получить хорошую отметку, а тебе все это так давалось легко. Память у тебя хорошая. Единственный твой недостаток, это как чуть выпьешь, так сразу становишься десантником, то кирпичи головой бьешь, то с полки вниз головой прыгаешь, и остановить тебя невозможно, упертый ты, как баран.

– За бубней смотри! – недовольно пробурчал я.

– Говорю, как есть, сам просил, – с досадой ответил Толик, но все же продолжил: – Встретились мы с тобой на курском вокзале, ты был весь взъерошенный, нервный, я тебе говорю, что еду во Мценск к своему дяде, там работать пойду на МЗАЛ.

– МЗАЛ – не понял я?

– Мценский завод алюминиевого литья, филиал московского ЗИЛа,

– Что дальше? – я почему-то начинал нервничать.

Там на вокзале ты сказал, что поедешь со мной, но точно то, что ты не собирался ехать в провинцию и решение принял спонтанно. Мне даже показалось, что ты от кого-то прятался! Меня попросил билет купить, а сам прятался за углом. Взволнован был очень сильно, что у тебя случилось, ты не рассказал. Еще попросил, чтобы на заводе нам с тобой комнату в общежитии дали на двоих с тем учетом, чтобы ты остался в ней один проживать, так как я буду жить у дяди. Еще могу предположить, по словам Славки Гаврикова, которого я встретил зимой, ты связался с плохими ребятами. С очень плохими, скорее всего, ты от них и сбежал.

Толик замолчал, дав мне возможность хорошенько все размыслить.

В голове все крутилось, я не понимал, с чего мне начинать эту новую жизнь, говорят, что очень умный, это, конечно, замечательно, я и в той жизни учился хорошо. Открыл свой паспорт, прочитал еще раз – Власов Андрей Михайлович. Обложка документа красного цвета, и на ней золотыми буквами написано СССР. У меня в душе поднялась гордость за этот паспорт.

Я еще раз проверил все карманы на наличие чего-нибудь, что могло мне напомнить об обладателе этого советского паспорта. В заднем кармане я пальцами почувствовал шелест бумаги, достал, это были небрежно скомканные три банкноты по сто рублей. Задумался, сколько это денег, много или мало?

– Ого! – воскликнул Толик. – Ты богач!

– Сколько это денег? – спросил я.

– Нам на заводе два месяца работать надо! Толик немного помолчал, потом добавил: – Или купить один вот такой дипломат на барахолке.

Я опять развернул паспорт, посмотрел страницы с личными данными, фотографией, а также разделы для отметок о прописке, семейном положении и воинской обязанности.

– Кто же ты такой, Андрей Михайлович? – сказал я со вздохом.

Толик взглянул на старого товарища с сочувствием, он несколько минут вспоминал, чем он еще может помочь, но, как назло, ничего не вспоминалось, они учились вместе, но друзьями не были.

Глава 3

Чувство, что я чужой в собственном теле, меня не оставляло. В глубине души я понимал, что все это не просто так, может, я тут появился, чтобы сделать что-то важное для страны и народа, может, я смогу сделать, чтобы Советский Союз не распался в тысяча девятьсот девяносто первом году. Я поймал себя на мысли, что размышлял о великом. К сожалению, работая на заводе, нельзя руководить страной. Вдруг меня осенило, может, это часто бывает, что люди попадают в другие тела и живут себе припеваючи вторую жизнь. Почему об этом никто не говорит в новостях, а пишут только в книгах о пападанцах. А как об этом мне сейчас рассказать людям? Ведь никто не поверит, упрячут в дурку, и пойдешь потом доказывать, что не верблюд. В голове ничего не складывалось, я обнял голову руками.

Толик обнял меня за плечи:

– Не переживай, все вернется, главное, что ты живой и здоровый. Я себя осуждаю за то, что зря тебе рассказал, что ты десантник, как бы тебя опять не потянуло после выпитой стопки водки на подвиги.

– Да нет, не зря, теперь я знаю наверняка, что пить мне нельзя, – сказал я уверенно.

– Ну, что, готов? – Толик встал со скамейки. – Бери с собой свой драгоценный дипломат и пошли на завод, что время терять. Нас мой дядя уже заждался.

– Почему драгоценный? – переспросил я.

– Ты им очень дорожил, я всегда мечтал иметь такую модную вещь, но без великого блага достать его невозможно, а на рынке очень дорого.

Я посмотрел на дипломат, попробовал его открыть, но опять безуспешно, замок запер его надежно, а ломать не хотелось, я передал его в руки Толику, и он с гордостью понес мою драгоценность. Мне поначалу это было смешно, но вспомнил свою прежнюю жизнь, из которой меня снесло обратно в эпоху моей молодости. Дипломат носили мужчины, это был классический аксессуар, владельцами которого могли быть либо люди с достатком, имевшие возможность купить его за большие деньги, либо люди со связями в специальных магазинах, куда товары поступали по распределению. Это делало дипломат еще более ценным и желанным. Он был символом не только статуса, но и принадлежности к определенному социальному кругу. Толик шел впереди, гордо неся в руке модную вещь, когда его встречали знакомые, все невольно обращали внимание на его ношу. Я шел чуть позади и не мешал Толику гордо нести мою вещь, дипломат был тяжелым и нести его мне не хотелось.

Вдруг впереди показался другой прохожий, на вид лет тридцати, в модном костюме. Его осанка и уверенные движения выдавали в нем человека успешного и уверенного в себе. Моло-

дой человек в костюме оценивающе оглядел Толика. В его взгляде читалось легкое удивление и, возможно, даже некоторое пренебрежение, он, вероятно, подумал, как такой обычный человек в простой одежде мог позволить себе купить дипломат даже дороже, чем у него. Мне интересно было наблюдать за ними со стороны. Оценивающий и немного удивленный взгляд одного, и гордый вид другого, они очень долго рассматривали друг друга и не смогли пройти мимо. Они остановились, обменялись взглядами и словно почувствовали что-то общее, человек в костюме заговорил первым:

– Здравствуйте, удивительное совпадение, у нас с вами почти одинаковые дипломаты, но ваш лучше. Где вы его приобрели?

– В Москву съездил, оделся с ног до головы, – Толик поднял повыше дипломат, показывая, что новая его одежда лежит в нем.

– Я ездил в одно место, – задумчиво начал человек в костюме, – купил дипломат за сто пятьдесят рублей, точно такой, как у вас, продавали за двести пятьдесят, – растерянно произнес незнакомец.

– Вы пользуетесь большими деньгами, видно, у вас их в избытке. Мне же дипломат обошелся всего в сто рублей! – высокомерным тоном сказал Толик и, оставив встречного прохожего в недоумении, прошел мимо.

– Толян, красиво ты его отбрил! – одобрил я.

Но Толик не ответил, он как-то поменялся после этой встречи, переняв себе походку того, в костюме. Теперь Толик шел с гордо поднятой головой, свысока поглядывая на прохожих, у кого не было, чем похвалиться. Все, кто нам встречался, одеты были практически одинаково, в руках они несли обычные сумки или сетки, которые назывались авоськами. Так шел я с Анатолием от городской больницы до заводских корпусов и знакомился с тихим провинциальным Мценском. Кто знает, сколько мне тут придется прожить. Частный сектор небольших домов сменился пятиэтажками, построенными из кирпича и панельных блоков. Особенный интерес у меня вызвали балконы в этих домах, где можно было увидеть столько различных вещей. Некоторые балконы были заставлены цветами в горшках, другие – старыми вещами, такими, как велосипеды или ненужная мебель. Некоторые балконы были застеклены, что создавало ощущение уюта и защищенности. В целом дома выглядели довольно просто, но функционально, они не были особенно красивыми с архитектурной точки зрения, но создавали атмосферу надежности и стабильности. Многоэтажные дома закончились, когда мы пересекли улицу Мира и вышли на улицу Карла Маркса, опять потянулся частный сектор, здесь дома были новее, чем около больницы, некоторые выглядели очень достойно. Мы шли молча, каждый погружен в свои мысли, время от времени мы обменивались короткими фразами, но в основном просто наслаждались прогулкой и окружающей обстановкой. Когда мы подошли к заводским корпусам, я почувствовал, как меняется атмосфера. Здесь было больше людей, каждый занят своими делами. Из больших заводских ворот часто выезжали груженные до верха машины. Из проходной выходили рабочие, наверное, после рабочей смены, они невольно бросали завистливый взгляд на дипломат, который Толик выставлял на общий показ. Вскоре из проходной вышел мужчина в помятом сером пиджаке, его взгляд скользнул по дипломату, который Толик продолжал выпячивать перед собой, сквозь пышные усы его промелькнула улыбка, он привычным движением поправил галстук и подошел к ребятам.

– Пришли? – спросил мужчина, осмотрев меня с головы до ног.

– Да, дядь Валер, пришли!

– Хорошо, пошли со мной.

Дядя Валера шел быстро, с ним уважительно здоровались прохожие, с одним из них он остановился, и у них завязался разговор.

– Толян, это кто? – спросил я.

– Это мой родной дядя, ты что, Андрюх, я же тебе рассказывал, – Толик взглянул на меня, потом вспомнил, что я ничего не помню, и продолжил, – он здесь на заводе начальник отдела кадров. Он нам поможет устроиться в общежитии и в литейный цех по хорошему разряду.

Начальник отдела кадров попрощался с человеком и пошел дальше. Я шел по заводу, в моей душе опять всплыли моменты, когда в той старой жизни я пришел работать на московский завод ЗИЛ, все было похожим, и вспоминалось тяжело. Территория завода здесь была, конечно, не такая, как в Москве, но все же большой и шумной. Мимо нас проезжали тяжелые машины, погрузчики, создавая ощущение постоянной работы и движения. Рабочие в спецовках сновали туда-сюда, неся различные инструменты и материалы, кто-то из них спешил, некоторые шли вразвалочку, не спеша. Вокруг нас высились мощные стены цехов, из-за которых доносились звуки работающих станков и механизмов. Атмосфера на заводе напряженная, но в то же время вдохновляющая. Мы чувствовали, что здесь происходит что-то важное и значимое. Поднявшись по ступенькам, мы остановились у двери с надписью: «Начальник четвертого цеха». Приемная начальника цеха оказалась небольшим, но уютным помещением. За столом, покрытым зеленым сукном, сидела молоденькая секретарша и что-то увлеченно печатала на небольшой печатной машинке. Ее красота и грация сразу привлекли мое внимание. Волосы девушки, темные, блестящие, были уложены в аккуратную прическу, которая подчеркивала ее утонченные черты лица. Глаза, голубые и очень выразительные, словно два маленьких озера, отражали свет настольной лампы. На губах играла легкая улыбка, которая придавала ей особый шарм. Девушка была одета в строгий костюм, который подчеркивал ее фигуру и создавал образ профессионализма и элегантности.

В воздухе витал легкий аромат духов, который смешивался с запахом свежей бумаги и канцелярских принадлежностей, на столе лежали аккуратно сложенные папки с документами. Я невольно задержал взгляд на красивой девушке, меня будто притягивало к ней, от чего мне становилось неловко. Взгляд девушки был приветливым, словно она ожидала моего прихода. Я заметил, как она посмотрела на моего друга Анатолия, они обменялись приветливой улыбкой, как старые друзья.

Секретарша с ее утонченной красотой и грацией создавала атмосферу уюта и комфорта, несмотря на строгость и официальность обстановки.

Из кабинета начальника цеха вышли трое рабочих, секретарша встала и открыла дверь, ее взгляд оценивающе осмотрел меня с ног до головы:

– Проходите, Валерий Иванович.

Мы вошли в кабинет начальника литейного цеха номер четыре, первое, что бросилось в глаза, – это строгий порядок и атмосфера важности. Стены кабинета украшали портреты, которые хранили в себе историю и дух времени. На самом почетном месте расположили портрет Владимира Ильича Ленина, его взгляд, полный решимости и надежды, смотрел прямо на нас, напоминая о великих свершениях и идеалах прошлого. Чуть правее находился портрет генерального секретаря ЦК КПСС Константина Устиновича Черненко. С левой стороны на стене висли фотографии, на которых отражалась история становления завода. Первая фотография запечатлела момент закладки первого кирпича на месте будущего цеха. На ней были видны люди в рабочей одежде с серьезными лицами, полными решимости и надежды. Этот момент символизировал начало нового этапа в жизни завода и его рабочих. На следующей фотографии возводились стены цеха. Рабочие, вооруженные инструментами, трудились не покладая рук, создавая основу для будущего производства. На их лицах можно было увидеть усталость, но и гордость за проделанную работу. Далее следовали снимки, на которых запечатлен процесс строительства крыши, рабочие, балансируя на высоте, укладывали кровельные материалы, создавая надежную защиту для будущего цеха. Следующая серия фотографий демонстрировала процесс установки станков. Рабочие слажено и точно размещали оборудование на своих местах, готовя цех к запуску производства. На последних фотографиях, которые завершали

историю строительства цеха, мы видим, как жидкий металл, словно огненная река разливается по формам, создавая будущее изделий. Этот момент, запечатленный на снимках, был кульминацией всего процесса, символом завершения долгого и трудного пути.

Когда я смотрел на эти фотографии, во мне поднималась волна эмоций, я чувствовал, как душа наполняется гордостью и восхищением перед величием человеческого труда. Эти снимки, словно живые, рассказывали о том, сколько усилий и мастерства было вложено в создание этого цеха. От закладки первого кирпича до разлива металла – каждый этап был важен и значим.

Эти фотографии будто заворожили меня у входа, я не мог от них оторваться, они меня вдохновляли на многолетний труд.

Начальник цеха не потревожил меня, он с улыбкой смотрел на меня и терпеливо ждал, пока я познакомлюсь с историей цеха в фотографиях.

– Проходите, присаживайтесь! – услышал я и отвернулся от привлекательного зрелища.

За столом сидел начальник цеха Горин, мужчина лет около пятидесяти, слегка полноват, очки с толстой оправой, вид немного усталый, спокойный, сосредоточенный взгляд с намеком на большой опыт и ответственность, он почему-то улыбался, поглядывая на моего друга.

– Что, Толик, – начал с улыбкой начальник цеха Горин, – пришел-таки устраиваться ко мне в цех? Давно пора, а ты все – Москва, Москва!

– Да вот мы с другом хотим устроиться к вам на работу, – сказал Толик и протянул мои и свои документы.

Горин документы Толика отложил в сторону и стал изучать мои, его брови поднялись над очками, он с минуту внимательно осматривал меня, немного подумал и начал разговор, в его тоне уже слышалась речь начальника с подчиненным.

– Давненько, мне не приходилось видеть диплом с отличием по всем предметам, до тебя с таким дипломом был только один человек, и он перед вами, – директор с гордостью ударил себя в грудь!

– Я старался, – ответил я, почему-то краснея.

Я не понял, почему мне стало неудобно чувствовать похвалу уважаемого на заводе человека, может быть, потому, что это были не мои заслуги, хотя мой диплом личный в институте был с одной четверкой и то потому, что я был в плохих отношениях с преподавателем по химии.

– Теперь о важном, я не могу вас сразу взять на руководящие должности, у вас нет высшего образования, всего лишь техникум, поработайте рабочими, начинайте свою карьеру с самых низов. Надеюсь, что повышать образование у вас есть в планах?

– У меня большие планы на будущее, образование для меня – это ключ к успеху и самореализации, – ответил я.

Начальник цеха меня внимательно выслушал, немного подумал и продолжил:

– Мне в крановую службу нужны слесаря, завтра выходите на работу, я беру вас сразу по четвертому разряду, так что не подведите меня!

Я встал, взглянул на выход, в приоткрытую дверь на меня смотрела секретарша, она быстро закрыла дверь. Ее взгляд, полный смущения и удивления, а еще больше заинтересованности, будто овладел мной, я видел ее буквально секунды, но она успела меня чем-то зацепить.

Глава 4

Попрощавшись с начальником, мы пошли в профсоюз, там с помощью Валерия Ивановича нам выдали ключи от общежития. Затем нам выдали спецовки. Это особый ритуал, преобразующий тебя в настоящего мастера своего дела. Молодые девушки-кладовщицы улыбаются, добавляя в этот момент нотки тепла и дружелюбия. Их улыбки – это лучики солнца в

суровом мире производства, напоминающие, что даже в самых сложных условиях можно найти радость и вдохновение. Мне очень понравилось ходить по заводу, знакомиться с теми, с кем мне придется работать много лет. Мы зашли в раздевалку, где мне должны показать шкафчик для переодевания. Несмотря на то, что был разгар рабочего дня, в раздевалке толпилось много людей. Меня поразило очень большое светлое помещение, в котором рядами стояли металлические шкафы. Это место, где начинается твой рабочий день, где тыходишь в мир труда и мастерства. Железный шкафчик, словно маленький островок в океане завода, ждет тебя, готовый хранить твои вещи и охранять твой покой. Он твой верный спутник, твой маленький дом вдали от дома. Меня подвели к большому шкафу, разделенному на две половины, в одной половине хранятся чистые вещи, в другой – рабочая спецовка. Я повесил свою новую спецовку на вешалку, женщина, которая мне предоставила шкаф, протянула замок с ключами, дверь закрывалась с помощью длинного крюка, сначала нужно было засунуть в дужку один конец, а в другой защелкнуть замок, и оба ящика оказались закрыты одним замком. После этого мы с Толиком в сопровождении Дмитрия Ивановича вышли на улицу.

– Андрей, купи замок, отдай той женщине, – попросил Валерий Иванович.

– Хорошо, – ответил я.

– Нас с Толиком уже давно продолжительное время ждет моя супруга. Ты общежитие сам найдешь?

– Язык до Киева доведет.

– Я позвонил в общежитие, тебя там встретят, даже обещали на первое время дать что-нибудь из мебели!

Я поблагодарил Валерия Ивановича и Толика за участие в моем трудоустройстве на завод, чувствуя легкое волнение перед началом новой жизни. Мы обменялись крепкими рукопожатиями, и я направился в сторону общежития, время от времени я спрашивал у прохожих направление, мне все терпеливо объясняли. Пройдя мост через реку Зуша, я вдохнул свежий воздух, наполненный свежим ароматом воды и зелени. Вскоре я увидел большой магазин под названием «Космос» и решил заглянуть туда. Внутри меня встретил просторный зал, разделенный на две части. С правой стороны располагались хозяйственные товары, я там себе выбрал подходящий по размеру замок. Кассиру подал сотенную купюру, она взглянула на меня осуждающим взглядом, пробежав глазами по моей одежде, и дала сдачу. С левой стороны были выставлены спортивные товары: блеклые с виду футболки, кеды, разные по весу гантели. Мужчина с сыном выбирал, какие гантели ему выбрать, вокруг них собирались люди, подсказывая, какой вес нужно брать молодому четырнадцатилетнему парню. В центре внимания стоял мотоцикл «Планета спорт», который привлекал своей мощностью и элегантностью, я хорошо помнил этот мотоцикл из своей молодости, у моего друга был точно такой. Единственно, что мне в нем не нравилось, это бак, он круто поднимался от сидения, чем, на мой взгляд, портил вид. Рядом стояли два мотоцикла «Минск» с надписью «продано». Чуть дальше, у окна, величественно замерло несколько мопедов. С такой же надписью «продано». Людей в этом магазине было много, но они больше главели по практически пустым полкам. В этом магазине я еще купил два полотенца, шампунь для волос и несколько кусков мыла. Покинув магазин, я продолжил путь и вскоре подошел к гастроному № 2. Зайдя внутрь, я был поражен пустыми полками, лишь несколько банок консервов занимали место на прилавках: «Завтрак туриста», паштеты, килька и бычки в томатном соусе. Продавцы, одетые в форменные халаты, скучали за прилавками, ожидая товар или редких покупателей. Молочный отдел меня порадовал некоторым разнообразием товара, я взглянул на прилавок, где рядами стояло молоко из моей молодости, треугольные пакеты надолго задержали мой взгляд и пробудили воспоминания, во рту даже появился тот приятный, неповторимый натурально молочный вкус. Очень захотелось есть, я вспомнил, что сегодня еще ничего не ел. В этом магазине я купил молоко и свежий батон, решив, что этого мне на сегодня хватит. Бросил последний взгляд на полки

большого магазина я почувствовал разочарование от скудного выбора продуктов. Утешал себя лишь одним, что в этом мире товар хорошего качества, пусть его меньше, но он будет приятен на вкус, а главное, безвреден, за этим честно следило советское правительство.

Общежитие номер двадцать один находилось далеко от завода, в первом микрорайоне, моя комната на четвертом этаже под номером сто пять. Перед моими глазами предстал коридор бесконечной длины, словно русло реки, теряющее свое начало и конец среди туманных воспоминаний детства. Стены старого здания были покрыты следами множества жизней, прожитых здесь раньше: едва заметные царапины, облупившаяся краска и пятна, похожие на таинственные знаки давно утраченных цивилизаций. По этому простору проносились дети разных возрастов, словно маленькие планеты, вращающиеся вокруг общего центра притяжения, огромного пространства свободы и безопасности. Их смех эхом отражался от стен, превращаясь в мелодичный гул, наполненный радостью и энергией молодости. Меня, оказывается, уже поджидали. Какой хороший человек Валерий Иванович, он и тут со всеми договорился. Встречали тепло и искренне, четыре женщины поджидали моего появления. Люди здесь относились друг к другу дружелюбно и уважительно, создавая атмосферу настоящего братства, с первых минут, только взглянув на лица поджидавших меня девушек, я почувствовал себя, как дома, окруженный заботой и вниманием новых друзей. Комната оказалась просторной и уютной, на окне висели давно выцветшие занавески. Старенькая кровать, источающая аромат прошедших лет, была покрыта мягким покрывалом, приглашая отдохнуть после долгого пути. Холодильник, скромно стоявший в пустом углу, готовился стать, хранителем моих запасов, обещая верную службу. Этот новый дом встретил меня гостеприимством и теплом, подарив ощущение покоя и уверенности в завтрашнем дне. Здесь в этих стенах каждый мог почувствовать себя частью большой семьи, объединенной общей судьбой и стремлением к лучшему будущему.

– Меня зовут Ирина Палтусова, – представилась симпатичная девушка лет двадцати с приятной улыбкой. – Я твоя соседка, моя комната рядом.

– Катерина Сопычева, – представилась другая и застенчиво вышла в коридор.

Третья девушка просто кивнула головой и вышла из комнаты.

– А ты ничего, – Ирина опять одарила меня доброй улыбкой, – нам позвонили, сказали, что блатной едет, надо приготовить комнату.

Ирина осмотрела внимательным взглядом мою одежду, дипломат.

Я пожал плечами, в этот момент мне не хотелось выделяться из общей массы людей, я решил стать таким, как все, купить себе простую одежду из магазина и слиться в толпе однообразия.

– Ира, ты здесь комендант?

– У нас тут все коменданты! Старших у нас нет, уборщиц нет, сами по графику моем коридор, туалет. Белье сушим в коридоре, но ты свои модные шмотки не вывешивай, ворюга у нас завелся, стоит что-то хорошее вывесить, так какая-то сволочь стырит. Ладно, устраивайся, имей в виду, холодильник на последнем вздохе, так что присматривай себе новый. Отдыхай, вечером мужики с работы придут, знакомиться будешь, ребята у нас хорошие, не переживай, не обидят. Хотя ты вон какой здоровый.

Ирина осмотрела мои мышцы и вышла. Я остался один, на меня что-то навалилось, будто огромная плита двух жизней придавила меня. И моя жизнь, и этого Власова шли вперемешку, я понимал, что жить на две жизни будет тяжело, и надо забывать ту жизнь, которую я уже прожил. Теперь я Власов, и надо учиться жить в нем. Я закрыл дверь за Ириной, на ключ открыл молоко, отпил, по моему телу прошел аромат приятного вкуса настоящего коровьего молока, откусил булку, и вновь удивление, это было необычайно вкусно. Съев половину батона и выпив полпакета молока, лег на кровать, теперь я остался один и могу проанализировать все, что со мной произошло. Я лежу, смотрю на руки, ноги, все выглядит знакомо, но одновременно абсолютно чуждо. Навсегда я поселился в этом теле или только на время? Оно мне кажется чужим,

легким, при движении ничего не болит, и, если сказать честно, попасть из тела больного старика в молодое, сильное накаченное тренировками тело намного лучше, чем наоборот. Меня не оставляет чувство невероятного одиночества, растерянности и страха перед будущим. Кто этот человек, чье тело теперь мое? Становится страшно, когда понимаешь, насколько глубоко проникают изменения внутрь тебя самого. Мой нос, губы, глаза, которые теперь иначе смотрят на мир, поменялся вкус еды, запахи стали ярче, звуки громче, даже дыхание стало другим. Каково было его прошлое, каким он был? То, что я про него знаю, этого очень мало, мне осталось неизвестным, чем он занимался последние три года, когда вернулся из армии. Толик говорил, что я связался с плохими людьми. Опять вопрос, насколько плохими. Одни загадки, а разгадок нет, я хотел расслабиться, но не получалось. Так и лежал на старой кровати, погруженный в хаос эмоций, пытаюсь собрать себя заново. Будто вся моя прежняя жизнь исчезла навсегда, осталась лишь одна задача – выжить в совершенно незнакомых обстоятельствах. Я взглянул на свой таинственный дипломат. Может, в нем есть ключ к разгадке?

В дверь тихо постучали, я встал, открыл, на пороге стояла Ирина со своей неотразимой улыбкой:

– Андрей, там ребята пришли с работы, пойдем, с нами поешь, и познакомимся ближе.

Я надел кроссовки и вышел вслед за ней. Напротив моей комнаты оказалась просторная чистенькая кухня, большую часть которой занимал длинный стол, в центре внимания, посередине его, стояла большая кастрюля с наваристым борщом, от которого исходил теплый, насыщенный аромат, обещающий согреть душу и тело. Рядом в тарелке поблескивали на свету аппетитные соленые огурцы, их хрустящие ломтики манили своей свежестью. На деревянной доске горкой возвышалось нарезанное по-деревенски крупными кусками сало, искушая своим нежным вкусом и блеском, вокруг которого лежали маленькие кусочки чеснока и лука. Еще, что тут же бросилось мне в глаза, это глубокая чашка на краю стола, наполненная мариннованными маслятами. Композиция дышала уютом и гостеприимством, приглашая к дружеской беседе за столом. По левую сторону сидели четверо мужчин примерно моего возраста, по правую – четверо уже знакомых мне женщин. Я подошел, представился:

– Андрей!

Парни вежливо привставали, жали мне руку и называли свои имена, это были Виктор, Игорь, Славик и Николай. Виктор спортивного телосложения, нос чуть с горбинкой, добродушный приветливый взгляд. Игорь высокого роста, смуглая кожа, одетый только в старое трико с оттянутыми коленками, он ерзал на стуле, чего-то ожидая. Вячеслав невысокого роста, с правильными чертами лица, очень серьезный на вид. Николай был сдержан, но сидел вразвалочку, облокотившись на подоконник, он казался самым главным, и, как видно специально, задрал рукав на футболке повыше, оголив наколку на плече. Там я разглядел три буквы ВДВ. Наверное, поэтому за этим столом он чувствует себя самым важным.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, но честно вам признаюсь, накрытый вами стол мне не нравится! – сказал я очень серьезно и посмотрел на хозяев.

Девушки по правую сторону с разочарованными лицами рассматривали накрытый ими стол и не могли понять, что мне не понравилось.

Мужчины же, наоборот, поняли, к чему я клоню, и их глаза наполнились надеждой выпить за знакомство и прописку в общежитии.

– Ребят, я быстро сбегая, скажите только, в какой магазин?

– Сейчас купить негде, только у Марь Ивановы, – объяснил Игорь и предложил:

– Давай деньги, я принесу. Дай мне свой батник, через десять минут отдам.

Я протянул Игорю сначала двадцать рублей, потом снял с себя модную рубашу и протянул Игорю. Девушки стали, словно замороженные, рассматривать мое накачанное тело. Их взгляды скользили по моему торсу, задерживаясь на деталях, и в воздухе повисла атмосфера восхищения и легкой зависти.

Николай встал со своего места и, открыв рот, стал тоже рассматривать меня. Я посмотрел на свое плечо и сам удивился, увидев на нем красивую татуировку с буквами – ВДВ.

– Братуха, – крикнул Николай и налетел на меня с объятиями.

Мы долго обнимались, обменивались любезностями, Николай много говорил, я больше уходил от ответственности, но это выходило подозрительно. Мне пришлось изображать из себя немногословного парня, немного стеснительного.

Пришел Игорь, с двумя бутылками чистого спирта. Он перелил в двухлитровую стеклянную банку спирт, долив доверху чистой воды, и плотно закрыл крышку. Мое внимание привлекло, как в банке, наполненной до краев смесью спирта и чистой воды, начался удивительный процесс. Спирт, обладая меньшей плотностью, постепенно поднимался вверх, образуя тонкий слой на поверхности воды. Этот слой, словно невидимая граница, разделял две жидкости, создавая ощущение хрупкого равновесия. Со временем, под воздействием диффузии, молекулы спирта начали медленно проникать в воду, а молекулы воды – в спирт. В банке царила тишина, нарушаемая лишь легким плеском жидкости, когда Игорь делал резкое движение.

Глядя на этот процесс, я почувствовал, как занавес моей пропавшей памяти чуть приоткрывается, я увидел себя, сидящего за партой. Сначала это были лишь обрывки воспоминаний, но с каждым мгновением они становились все более четкими и яркими. Я снова ощутил ту радость и гордость, которые испытывал, когда учился. Мне очень хотелось удержать в своей голове воспоминания, чтобы узнать о своем новом теле больше, но, как ни старался, ничего не получилось.

Игорь еще раз встряхнул банку, наблюдатели, зачарованные этим простым, но завораживающим явлением, могли судить лишь о том, какие сложные процессы происходили на молекулярном уровне. В банке, казалось, ожила сама природа, демонстрируя свою способность к самоорганизации и гармонии.

Когда в банке перестал идти процесс, Игорь деловито взял ее в руки. Его движения были размеренными и уверенными, словно он выполнял ритуал, который знал наизусть, наслаждаясь каждой минутой, каждым движением. Сначала он снял крышку, словно открывая сокровищницу. Затем, держа банку обеими руками, он начал медленно разливать содержимое по рюмкам. Его движения были плавными и точными, будто он занимался этим уже многие годы. Он не спешил, давая каждому сидящему за столом, почувствовать важность момента.

Спирт, переливаясь в рюмки, издавал тихий едва слышный звук, который можно было услышать только сердцем. Игорь, казалось, наслаждался этим звуком, как и самим процессом. Он разлил спирт по стопкам, каждая из которых была наполнена до краев, словно символизируя щедрость и гостеприимство, он отклонился чуть назад, любуясь результатом своего труда. В воздухе витал легкий аромат спирта, смешанный с ароматом воспоминаний и ожиданием предстоящего застолья. Этот момент был наполнен особой атмосферой, где каждый жест и движение имели значение, а процесс разливания стал не просто действием, а настоящим искусством.

Игорь первый взял рюмку, мы последовали его примеру. Он сделал небольшую паузу, словно давая нам время насладиться моментом, а затем с теплотой в голосе произнес:

– Андрей, живи у нас, как родной!

В его словах звучала искренняя забота и желание поддержать. Я сразу понял, что он вырвал эту фразу из фильма «Знахарь», который был очень популярным в это время.

– Ты, наверное, уже понял, что для нас это не просто пьянка, нет, для нас это нечто большее. Это наш маленький шедевр, когда мы собираемся за столом все вместе одной семьей. Ты влился в нашу семью, если у тебя какие проблемы, мы всегда поможем. Сидим мы тут нечасто, не чаще семи дней в неделю.

Игорь пошутил, но смех на его шутку не последовал, видимо эта шутка была уже всем знакома. После ритуала все свое внимание сосредоточили на еде. На этом столе мне больше

всего понравились грибы. Я с наслаждением наколол вилкой маринованный масленок. Его шляпка, покрытая тонким слоем маринада, блестела на свету, обещая неповторимый вкус. Я откусил небольшой кусочек, и кисло-сладкий аромат разлился во рту, смешиваясь с нежной текстурой гриба. Я медленно пережевывал, смакуя каждую деталь этого гастрономического удовольствия. Этот момент стал для меня маленьким праздником вкуса, который я помнил из прошлой жизни, самые мои любимые блюда были грибы в любом виде и соленые огурцы. Ирина поняла, какие блюда меня интересовали больше, и подставила тарелки ко мне поближе. Покончив со своим лакомством, я всех поблагодарил и пошел спать, сославшись на то, что у меня завтра первый рабочий день.

Глава 5

Утро первого рабочего дня началось с громкого скандала, доносившегося из коридора, слышались знакомые голоса, наверное, так будет всегда, это мне вместо будильника. Я встал, надел брюки и вышел в коридор, он сейчас был похож на длинный туннель, умывальня находилась на другом конце этого мрачного коридора. Умывальников было всего четыре, к ним выстроилась приличная очередь, двигалась она быстро, через десять минут я подошел к своим новым друзьям вымытый и в хорошем настроении. На кухне продолжался скандал, я зашел, это кричали женщины на своих мужей.

– Что случилось? – поинтересовался я.

– Да вот полюбуйся, с утра воды попили и опять готовые! – возмущалась Ирина.

– Как будто они спирт первый раз пьют! – поддержала подругу Катерина.

Я вернулся в комнату, выпил молоко, доел батон и вышел на улицу. Это был мой самый первый выход на работу, и я шел с легким сердцем и в хорошем настроении. Вокруг меня суетились люди, все они тоже направлялись к заводу. Мы шли вместе, и атмосфера была наполнена радостью и весельем. Слышались шутки и прибаутки, создавая ощущение единства и дружбы. Этот день обещал быть интересным и запоминающимся. Утреннее майское солнце ласково освещало дорогу, и его теплые лучи играли на лицах прохожих. В воздухе витал аромат свежести с запахом цветущих яблонь. Яблонь было много, они росли между пятиэтажных домов; словно белые облака раскинулись над тропинкой их ветви, усыпанные нежными цветами, касались друг друга, создавая благоуханную арку. Аромат цветков был настолько сильным, что, казалось, он окутывает меня со всех сторон, наполняя сердце радостью и предвкушением чего-то нового и прекрасного.

Я шел, наслаждаясь каждым мгновением этого утра, чувствуя, как с каждым шагом приближаюсь к началу нового этапа в своей уже новой жизни. Этот путь, окруженный цветущими яблонями, стал для меня символом надежды и новых возможностей. Я шел в общем потоке множества людей, словно капля в реке, которая несетя к своему устью. Мы двигались в едином ритме, подчиняясь невидимому течению, которое направляло нас к общей цели. Люди вокруг были похожи на меня: каждый шел с легкой улыбкой на лице, предвкушая начало нового дня. Мы перешли большой мост, внизу под ногами блестела своим быстрым течением река, поднялись на гору и оказались на вершине, с высоты которой открывался красивый вид на город. Еще немного, и моему взору открылся вид на завод. Он стоял, словно гигантский корабль, готовый к отплытию в неизвестные дали.

Проходная завода, словно ворота в новый мир, манила нас к себе. Мы приближались к ней, и с каждым шагом мое сердце билось быстрее. Я чувствовал, как внутри меня растет волнение и предвкушение нового и неизвестного. Этот день обещал стать началом чего-то важного в моей жизни.

Я прошел проходную, зашел в раздевалку, открыл свой шкафчик. Внутри висела моя новенькая рабочая одежда, я переоделся и почувствовал, как становлюсь частью этого боль-

шого механизма, который назывался заводом. Ко мне подошел Толик, уже переодетый в рабочую одежду. Его лицо светилось дружелюбной улыбкой, и мы двинулись в цех. Шаги наши были уверенные, словно мы знали, что нас ждет впереди. Цех открылся перед нами, как огромный мир, полный жизни и движения, пропитанный запахом масла и плавящегося металла. Он был настолько большим, что, казалось, будто его стены уходят в бесконечность. Высокие потолки, усиленные металлическими балками, создавали впечатление простора и величия. В воздухе стоял гул работающих машин, который сливался в единый мелодичный хор. Свет, проникающий в высокие окна, освещал пространство, создавая игру теней и света. Я почувствовал, как мое сердце наполнилось гордостью и восхищением. Этот цех был не просто местом работы, это был целый мир, в котором я только начинал свой путь. Мы неспешно ступаем по скользкой металлической плитке, наш путь лежит мимо огромных печей, в которых слышен гул и треск электрических дуг. Из печей исходит зловещий красноватый отсвет, переливаясь потоками расплавленного металла, покоренного человеком. По обе стороны стояли ряды работников-заливщиков, погруженных в таинственный ритуал своего труда. Их фигуры, покрытые пятнами копоти и темными отблесками огня, напоминают древних кузнецов-призраков. Нам нравилось за ними наблюдать. Заливщики двигались плавно и уверенно, словно маги, совершающие священную церемонию. Каждое их движение выглядит отработанным годами практики, доведенных до автоматизма, однако каждый жест демонстрирует мастерство и внимание к мельчащим деталям. Подъем ковша с раскаленным металлом, плавный наклон, аккуратное распределение металла по формам – каждая операция требует точности и концентрации. Звук льющегося алюминия напоминает тихий шепот множества голосов, слившихся в единую мелодию труда и творчества. Горячие расплавленные струи стекают в формы, застывая мгновенно и приобретая форму будущего изделия. Этот процесс завораживает, заставляя задуматься о вечности, красоте человеческого стремления преобразовать природу и создавать нечто новое и прекрасное. Под гул работающих станков и монотонный стук молотков мы услышали мягкое гудение двигателя. Из-за угла стремительно выскочил ярко-оранжевый электрический погрузчик с ковшом. За рулем удобно устроилась женщина средних лет строгого вида, ее лицо украшала яркая косметика, выделявшая выразительные черты лица и глубокие зеленые глаза, светившиеся уверенностью. Погрузчик плавно двигался вдоль желтых линий по металлической плитке с изяществом танцовщицы балета. Женщина сосредоточенно вела машину, аккуратно маневрируя среди массивных конструкций, ее движения были легкими и уверенными, словно танец, исполненный виртуозно и профессионально. Женщина развозила жидкий металл в раздаточные печи к заливщикам. Каждая порция металла ложилась точно и равномерно, эта сцена напоминала собой удивительное сочетание силы и грациозности, энергии и спокойствия. Так начинался наш первый рабочий день на огромном предприятии, полный незнакомых лиц, непривычных запахов, звуков цеховых механизмов. Чтобы дойти до службы механика, нужно было пройти весь цех, и вот заветная дверь, за которой нам придется работать. Я потянул дверь на себя, рядом загрохотала труба, мне стал интересен этот неприветливый механизм. Это железная труба с грузом, к которому прочно приделан трос. Когда дверь открывалась, груз поднимался, потом этот же груз под своей тяжестью тянул вниз и дверь с грохотом закрывалась.

Мы вошли и остановились, нас не встретили привычным рукопожатием, здесь царил особая атмосфера – старожилы смотрели настороженно, оценивая и немного враждебно. Крановая служба – словно отдельная каста внутри завода, обладающая определенным статусом среди остальных рабочих специальностей. По сути мы были новичками, свежими лицами, еще непонятными, непринятыми в коллектив и потому изначально чужаками. Это почувствовалось сразу. Теперь наши новые коллеги по службе стояли, окружив нас плотным кольцом, пристально изучая меня и Толика. Среди этих на первый взгляд враждебных товарищей больше преобладали пожилые мужчины – настоящие рабочие ветераны с крепкими руками, суровыми взглядами и потертыми спецовками, испачканными смазочным маслом. Их голос звучал уве-

ренно и властно, будто намеренно проверяя нашу выдержку и готовность противостоять жестким правилам местной епархии.

– Эй, блатные! – послышался голос с издевкой. – У нас тут свои правила, начинайте с уборки, подметите тут все, приберитесь, а потом помойте тот редуктор, что перед входом лежит.

Такие дерзкие выкрики доносились с разных сторон, пока напряжение не достигло пика. Давление ощущалось физически, глаза внимательно следили за каждым нашим движением, пытаюсь поймать малейшую слабость, неуверенность, испуг. Я понимал, такие испытания необходимы для признания тебя частью коллектива. Быть слабым или уступить, означало потерять уважение навсегда. Тогда я сделал шаг вперед, решив показать свою позицию твердо и четко. Я снял куртку, демонстрируя накачанное тело и хорошо знакомую многим символику на правом плече – татуировку парашютиста – десантника ВДВ, это четко подчеркивало мою принадлежность к особой категории мужчин.

– Знаете, ребята, я уважаю труд и возраст каждого из вас, ведь сам вырос в рабочей семье, так что давайте будем общаться вежливо. Если перейдете границы приличия, уверяю вас, последствия будут неприятными. Я спокойно отношусь ко всему, но мой предел терпимости весьма ограничен.

Последние слова прозвучали холодно и серьезно, старые мастера замерли, осознавая серьезность моего тона и ясно понимая значение той татуировки на моем плече. Затем наступило молчание, которое вскоре нарушилось смехом и доброжелательными возгласами.

– Да ладно тебе, парень, пошутили мы немного, нормально все будет! Главное, работайте честно, не подводите коллег, вот и дружба заведется быстро, – сказал, наверное, самый пожилой работник этой службы.

– Не обессудь, парень, что проверку устроили, мы обычно так не делаем, но еще вчера нам сказали, что к нам устраиваются блатные. Сами понимаете, работать с людьми, которые будут начальству докладывать о том, что у нас происходит, никто не хочет.

– Теперь понятно, меня зовут Андрей, – с улыбкой сказал я, протягивая всем поочередно руку.

– Хочу добавить, – встрял в разговор Анатолий, – ваши подозрения не беспочвенны, я родной племянник Ермакова Дмитрия Ивановича, но думаю, ему в отделе кадров абсолютно все равно, какие успехи делает служба механика в четвертом цехе.

– О, ядрена вошь, а я смотрю, лицо твое знакомое. Толик, какой ты взрослый стал! – к Толику подошел пожилой седовласый мужчина, обнял его.

– Здравствуйте, дядь Коль, я вас сразу узнал, вы с моим дядей воевали!

– Ну что, Москва не понравилась, вернулся к нам, так сказать в родные пенаты?

– Что, познакомились? – в мастерскую вошел парень лет тридцати, он быстро осмотрел новичков и продолжил. – Слушай разнарядку: на первом участке на втором кране редуктор грохочет, посмотреть немедленно.

Двое встали, немного покопались в своих слесарных шкафах, положили в сумки необходимые ключи и вышли.

– Я мастер в этой службе, меня зовут Павел, если какие вопросы, обращайтесь. Так, теперь дальше. Морозов, бери себе в ученики Ермакова, будешь учиться ремонтировать станки, прессы, конвейеры. Слесарка рядом, иди сразу туда.

Александр Сергеевич, вам Власов Андрей, в крановую службу. – представил мне мастер, моего наставника.

Калужский Александр Сергеевич, рабочий лет сорока, выделялся из всех коллег своим веселым характером, он любил часто к своим словам добавлять стихи или прибаутки, от которых всем становилось смешно. Я стал рассматривать помещение, оно было большим, со всех сторон стояли шкафы с инструментами, разные по размеру, некоторые совсем маленькие, и

стояли они в несколько рядов, у дверей возвышался огромный двухдверный шкаф, самый высокий и большой среди всех, который поражал воображение своей величиной. Посередине стоял большой стол, на котором лежало домино в черной грязной коробке.

Все работники разошлись по слесарке, каждый стал заниматься своим делом. Мы с Толиком сидели за столом, перед нами расположился Павел, наш непосредственный начальник, он что-то говорил, но на меня сейчас навалилось очень много новой информации, она не вмещалась в моей голове, и я только делал вид, что слушаю.

– Ну, вот вроде бы и все, что я вам должен сказать, сейчас идите распишитесь в журнале по технике безопасности. Дверь на третьем этаже, только недолго там.

Нужную комнату мы нашли быстро, я открыл дверь, в кабинете по технике безопасности сидели три симпатичные девушки, они застенчиво засмеялись, увидев меня, и слегка покраснели от смущения. Одна из них была мне знакома, секретарь начальника цеха, она все больше смотрела на меня, ее взгляд был настойчив, но скромным, честно сказать, она мне понравилась еще вчера в приемной у Горина, и, как мне показалось, я ей тоже понравился. Девушки восьмидесятых были намного скромнее, чем в двадцать первом веке, и я сейчас довольствовался случайным взглядом.

– О, девчонки, – весело вошел в кабинет Толик. – рад вас видеть в добром здравии.

Мой друг обнялся с девчонками, они все оказались одноклассниками Толика. Завязался непринужденный и приятный разговор, наполненный легкостью и взаимным интересом. Секретаря начальника цеха звали Маша, ее красота и обаяние все больше привлекали мое внимание. Мы общались легко, непринужденно, я вскоре понял, что Маша тоже испытывает ко мне взаимный интерес. Анастасия – повар на заводе, с любовью поглядывала на Толика, но даже я понял, что ответного любовного взгляда не было. Светлана не проявляла ни к кому особых интересов, была веселая и чересчур любопытная в вопросах. Когда все вопросы обсудили, Анастасия достала из стола большое блюдо, на котором лежали аппетитного вида пирожки.

Толик засмеялся, его поддержали Маша и Света, казалось, что они вспомнили нечто смешное из прошлой жизни.

– Настя, признайся, – постарался сделать серьезный вид Толик, – ты с тех пор научилась готовить?

Все смеялись, даже Анастасия, я чувствовал себя чужим. Ко мне подошла Маша и постаралась объяснить причину их веселья.

– Когда мы учились в восьмом классе, на уроке труда все девчонки учились готовить пирожки, Настя соль перепутала с лимонной кислотой, а Толянчик залез в окно и украл все ее пирожки.

Маша стояла рядом со мной, она была очень эмоциональной и, когда рассказывала, она еще и показывала все жестами рук, при этом она касалась меня руками, и от этих прикосновений я терялся и все больше влюблялся в неё. Мне казалось, что все уже на меня обращают внимание, я не мог с собой совладать и все больше краснел. Наш диалог был наполнен искренностью и теплотой, оставляя приятное впечатление.

– Ой, ребята, скоро шеф придет с совещания, я должна быть на рабочем месте, мне пора. – сказала Маша и посмотрела на меня.

Этот пронизывающий взгляд окончательно меня добил, я уже не принадлежал себе, я был в полной ее власти. Я шел по узенькому коридору рядом с ней, какое-то время я не решался начать разговор, Маша шла медленно, она наверняка ждала, когда я с ней заговорю, вот уже и дверь начальника цеха, она остановилась и взглянула на меня нежным взглядом.

– Маша, – начал я, немного заикаясь, – я в вашем городе всего несколько дней и не знаю, куда можно у вас тут пойти вечером. Хочешь, в ресторан сходим?

Взгляд девушки поменялся, он стал осуждающим, я почувствовал, что сказал что-то не то, и быстро себя поправил:

– Я никогда не был в ресторане, и честно сказать не очень-то и хотелось, но, честное слово, я не знаю, куда я могу тебя пригласить. Может, просто погуляем?

Маша почувствовала внимание к себе, слегка покраснела и опустила глаза. Ее сердце забилося быстрее, она на мгновение замялась, не зная, что ответить. Но затем, собравшись с мыслями, она подняла взгляд и с легкой улыбкой сказала:

– Я сегодня вечером уезжаю с родителями на дачу в Бастыево картошку сажать. А завтра можешь пригласить меня в кино!

Смущенно улыбаясь, Маша зашла в кабинет.

Я, удивленный и обрадованный ее ответом, почувствовал, как тепло разливается по телу, понимая, что этот день станет началом чего-то нового и интересного. Я чуть не вприпрыжку бежал на свое рабочее место. В крановой службе готовились к обеду, кто мыл руки, кто укладывал ключи в инструментальные шкафы. В дверь вошел высокого роста мужчина лет пятидесяти, с широкими плечами и большим животом. Он подошел к нам с Толиком и представился:

– Олег!

Он был немногословен, и, как мне показалось, немного расстроен.

– Олег, принес что? – спросил мой наставник Саша, едва сдерживаясь от смеха.

Олег не понял, что над ним посмеялись, и начал разговор на полном серьезе:

– Прикинь, привезли двигатели на мотоцикл «Минск», народу набежало со всего завода, я выбрал два получше, перекинул через забор, спрятал в кусты, думаю, с работы пойду и отнесу к другу на Стрелецкую. Ну и продолжаю искать, что еще можно взять, а сам поглядываю через забор за кустами, где схоронил свои вещи. Как вдруг смотрю: четверо пацанов тащат мои двигатели, я кричать на них, а они только посмеялись и убежали.

Олег разочарованно махнул рукой и открыл свой большой шкаф, наполненный всяческими железяками. На самом видном месте торчал цилиндром вперед мотоциклетный двигатель, на нижней полке торчало несколько электродвигателей разных размеров, много было поршней от автомобилей, от мотоциклов, шкаф был полон до предела. Хозяин с трудом втиснул свою сумку с ключами и пошел мыть руки. Я через головы рабочих с удивлением рассматривал содержимое самого большого шкафа, многое было мне непонятно, я подсел к Александру Калужскому, моему наставнику, сидевшему перед шахматной доской с расставленными фигурами, и спросил:

– Дядь Саш, зачем ему все это?

Александр взглянул, в сторону шкафа, немного помолчал, наращивая мой интерес, потом сказал:

– Такие шкафы тут у всех, вот я, например, некоторое время собирал запчасти на бензопилу «Дружба», потом купил в Туле на барахолке цепь и там же продал ее!

– А где это все собирают! – с интересом спросил я.

– На свалке, к нам привозят на переплавку со всех сторон нашей необъятной страны, даже самолеты, хочешь самолет собрать?

Я промолчал, но на свалку решил в удобное время сходить, но у меня еще не было собственного шкафа. Мои мысли нарушил сильный удар по столу, и громкий смех играющих в домино. Двое проигравших с позором встали и вышли из-за стола, их место заняла следующая пара.

Глава 6

Обеденный перерыв на заводе всегда был временем отдыха и общения. Рабочие, уставшие от монотонного труда, собирались в просторной слесарке, где царил атмосфера непринужденности и веселия. Кто-то играл в домино, стуча костяшками по столу, кто-то просто сидел, обсуждая новости и события. Некоторые пытались дремать, усевшись удобнее, запро-

кинув ноги на лавку. В самом конце этого длинного стола сидел Александр Калужский, мой наставник, он расставил фигуры и предложил мне сыграть партию в шахматы. Я, уже проживший одну жизнь и познавший ее глубины, с уверенностью принял его предложение. Ведь я не только знал цену каждому ходу, но и заслуженно носил звание мастера спорта, что добавляло моему участию особый вес. Александр был известен на заводе как непревзойденный на местном уровне шахматист. Он неоднократно выигрывал не только заводские соревнования, но и городские. Его ходы были точными и расчетливыми, а стратегия продумана до мелочей. Но я, молодой специалист, решил бросить ему вызов. Калужский развернул доску белыми фигурами ко мне, тем самым предложив мне начать игру. Я внимательно смотрел за каждым ходом противника, анализируя его стратегию. В голове проносились возможные комбинации, и я постепенно начинал понимать, как его можно обыграть. Мои ходы становились все более уверенными, и вскоре я почувствовал, что перехожу в наступление. Мой наставник, заметив мое преимущество, начинал нервничать. Его ходы стали менее уверенными, и он несколько раз подолгу задумывался над своими ходами, изыскивая тот единственный верный ход, который мог бы исправить его трудное положение. Я же, напротив, чувствовал себя все более уверенным. Мои фигуры двигались по доске с точностью и уверенностью, словно я знал каждый шаг наперед. В середине партии я сделал решающий ход, который поставил Александра в безвыходное положение. Он посмотрел на доску, затем на меня, и его глаза расширились от удивления. Ветеран производства не мог поверить, что молодой специалист, который первый день пришел на работу, смог его обыграть, в его взгляде я увидел восхищение и, как это ни странно, удовольствие. Теперь у него появился настоящий соперник, с кем он сможет повышать свой уровень игры:

– Ну, ты даешь! – воскликнул проигравший, протягивая мне для пожатия руку, – никогда бы не подумал, что ты так хорошо играешь!

Я улыбнулся и пожал ему руку. Этот момент стал для меня настоящим триумфом. Я не только обыграл местного чемпиона, но и в первую очередь доказал себе, что я и в этом теле могу доказать себе и другим, что могу достичь успеха в любом деле, если приложу достаточно усилий и старания.

После обеда все разошлись по своим местам, каждый стал заниматься своим порученным делом. Мы с Александром пошли на второй участок, там на первом кране была неисправность.

Кран возвышался над нами, словно гигантский металлический страж, охраняющий цех. Мы ловко взобрались на его верхнюю платформу, где нас в своей просторной кабине ждала крановщица Таня Трещева. Она долго обменивалась любезностями с Александром. Я тем временем осматривал сначала цех сверху, отсюда был совсем другой вид, он завораживал своей мощью. Как все это мог создать своими руками человек? Затем я стал осматривать кабину и рабочее место крановщицы, здесь было множество рычагов, которыми приводят кран в движение или поднимают груз. Изучив механизм крана, мы поднялись на верхнюю платформу, где нас ждал сломанный механизм. Мы прошли по ровной платформе с надежными перилами. Но вместо того, чтобы сразу приступить к работе, Александр с хитрой улыбкой достал из своей сумки шахматы. Мы уселись на узкой платформе, и вскоре на фоне работающего цеха началась шахматная баталия. Время текло быстро, и вот уже несколько часов пролетело в увлекательной игре, первую партию проиграл я, вторую в тяжелейших условиях получилось победить. И вот третья партия, она самая тяжелая, оба соперника играют на пределе сил, атмосфера накалена до предела. Ничего не могло их отвлечь от игры, вот-вот должен произойти перевес одой из сторон, но сделать первый шаг никто не решался. Несколько ходов, ничего не решавших в этой партии делали и я, и мой соперник, отчего становилось только сложнее в этой непростой партии. Никто не хотел уступать, но получалось так, что каждый из сторон, кто делал бы результативный ход, оказывался сам в сложной ситуации.

Вдруг из кабины нашей крановщицы послышалось два коротких звонка.

Этот условный сигнал вывел нас из шахматного транса. Александр, проявляя чудеса ловкости, аккуратно взял доску с фигурами и задвинул ее под двигатель, быстро достал ключи и приступил к работе, на ходу сказал мне испачкать руки. Я провел по грязному, в саже, крану руками, руки превратились в рабочие. На кран поднялся мастер Паша, он подошел к нам и стал с интересом рассматривать за нашими действиями. Калужский оказался не только хорошим соперником в шахматы, но и великим актером, я ему во всем подражал, сначала мы его будто не замечали, пока мастер нас не окликнул.

– Ну, что тут? – с заботой спросил Павел.

Мой наставник повернулся к Паше, положил ключи и во все горло крикнул:

– Ты где лазаешь? мы с Андрюхой тебя искали по всему цеху!

Паша опешил, его вид стал растерянным, а Александр продолжал:

– Рабочее время заканчивается, редуктор сломан, нужны запчасти, а кладовщики мне без тебя не дают. Во второй смене делать некому, там Серега с Колькой, они сделать не смогут.

У мастера на лице появился испуг, нервно дернулся глаз.

– Александр Сергеевич, приношу извинения, я был на складе. Что с краном?

– Да уже ничего, починили, но, имей в виду, шестеренку поставили старую, не знаю, насколько ее хватит. Главное, чтобы вторая смена отработала.

– Спасибо, Александр Сергеевич, выручили.

– Да ладно, Павел, сегодня мы тебя выручили, завтра ты нам премию выпишешь. Кстати, новенький – прирожденный слесарь, рукавицы ты ему не дал, он все руки себе посбивал.

– Спасибо и тебе, Андрей, не забуду, за премией дело не станет, на следующий месяц только.

Я посмотрел на свои грязные руки, кивнул в ответ мастеру, он был удовлетворен нашей работой. Мы смотрели сверху, как счастливый мастер шел быстрым шагом по цеху, Александр взглянул на часы.

– Так, мой новый друг, мастер наш нашей работой доволен, мы с тобой тоже довольные, все остались в выигрыше! – прокомментировал Александр, потирая руки. – Партия осталась, не доиграна, но у нас еще много времени впереди.

– А кран чинить будем? – спросил я.

– Он не ломался, только об этом никому, коллектив у нас хороший, вот только когда премию раздают, начинают всплывать нехорошие истории.

Я кивнул в ответ, что согласен с его версией, и взглянул на свои испачканные руки, мне было непривычно смотреть на мои до такой степени грязные руки, это уловил наставник:

– Руки в масле, жопа в мыле, мы работаем на ЗИЛе.

Александр достал шахматную доску и поставил перед собой, ему очень нравилась эта партия, он посмотрел на часы, тяжело вздохнул, фигуры такой интересной партии слетели с доски.

Мы слезли с крана, пришли в слесарку, до окончания работы было еще тридцать минут, но многих уже не было, а остальные экстренно покидали рабочее место. Завершение рабочего дня было насыщенным и запоминающимся. После трудового дня я отправился в раздевалку, многие из нашей службы уже переоделись в чистую одежду и ждали только пропуск. Я подошел к своему шкафу, снял рабочую одежду, и тут оказалось, что у меня нет ни мыла, ни мочалки, в слесарке я руки немного отмыл, но они были еще не в идеале. В душе я встретил своего наставника, он дал мне мыло, и я с удовольствием смыл с себя грязь, я задумался, когда последний раз мылся вот так в душе, но почему-то в голову ничего не приходило. При выходе из душа я увидел дверь с надписью – парилка. И решил немного попариться, но столкнулся с неожиданной ситуацией. В парилке находился один человек, который выходить пока не собирался. Я твердо решил закалять в себе силу воли и привыкать к пару, дав себе обещание, что не выйду из парилки, пока не выйдет тот мужик. Время шло мне становилось уже плохо, и я на последнем дыхании выскочил из парной. А тот мужик продолжал сидеть, наслаждаясь теплом

и паром. После обработки моего тела теплом я принял холодный душ, чтобы освежиться и прийти в себя. Тут я обнаружил, что у меня нет полотенца, и пришлось сохнуть, теряя лишние минуты. На проходной меня ждал Толик, он быстро затараторил:

– Как тебе первый рабочий день?

– Устал, – ответил я со вздохом, – хочу спать!

– Что у тебя с Машкой? – не отставал друг.

– Сегодня она на дачу едет, а завтра мы с ней в кино собрались!

– Решено, я Настю тоже приглашу в кино, пойдем вместе, я сегодня билеты куплю на четверых, все, Андрюха я ушел.

Я посмотрел Толику вслед, около ворот его поджидала Анастасия, они взявшись за руки, пошли к автобусу. Я же решил идти пешком, наполненный автобус мне, идеально чистому, не очень нравился. По пути меня сопровождали уже новые знакомые лица, которых встречал в цеху, я шел быстрым шагом, на повороте меня окликнула девушка.

– Андрей!

Я остановился, это была Татьяна Трещева крановщица, теперь она была одета в красивую одежду, и ее трудно было узнать, это был совсем другой человек. Высокий рост, милое лицо и аккуратная прическа. От той крановщицы на крене оставалась только легкая непринужденная улыбка и добродушный взгляд. Завязался легкий непринужденный разговор. Мы говорили о работе, о погоде, о планах на будущее, разговор был простым, легким, как будто мы давно не виделись и были рады этой встрече. Татьяна жила рядом с заводом на Стрелецком переулке, и мы вскоре расстались. У меня было прекрасное настроение, первый рабочий день прошел легко, я бы так всю свою жизнь работал. Играл бы себе в шахматы и за это деньги получал. Вспомнилось предупреждение Александра, что о шахматных партиях на кране в рабочее время никому не рассказывать, хорошо пусть это будет нашим секретом. Я шагал с завода, оставляя позади гул машин и запах металла. Город, словно старый друг, постепенно раскрывал передо мной свои объятия, показывая новые улицы и переулки. Каждый шаг был наполнен ощущением чего-то нового, неизведанного, как будто я открывал для себя этот мир заново.

Люди, встречавшиеся на моем пути, поражали своей открытостью и добротой. Их лица светились улыбками, а в глазах читалась искренность. Это было так непривычно для меня, ведь я помнил, каким был мир в двадцать первом веке. Там люди в основном хмурые, замкнутые, словно каждый нес на своих плечах груз забот и тревог. Но здесь, в этом времени, все иначе. Люди не спешили, не прятали свои эмоции, они были готовы поделиться улыбкой, словом поддержки. Это ощущение тепла и дружелюбия окутывало меня, словно мягкий плед в холодный зимний вечер.

Я шел, впитывая в себя атмосферу этого времени, запоминая каждую деталь. Улицы, дома, лица прохожих – все это складывалось в мозаику, которая постепенно заполняла пустоту в моей душе. Я чувствовал, как мир вокруг меня оживает, наполняясь красками и звуками. Каким-то чудесным способом я перенесся в мир добра, любви, где люди намного добрее приветливее, где улыбка не редкость, а искренность. В меня настойчивее вселялась мысль, что этот мир, несмотря на его отличия, становился ближе, чем тот, из которого я пришел.

Вот и цветущие яблони, они вновь, как утром, окутали меня прекрасным ароматом, наполнив мое сердце радостью и умиротворением. Я замедлил шаг, наслаждаясь каждым мгновением, вдыхая сладкий запах весны.

Вдруг я заметил группу людей, стоящих в стороне и смотрящих под яблоню. Их лица выражали удивление и легкое замешательство. Под кроной дерева стояла женщина и плакала. Вероятно, прохожие не знали, как правильно поступить в данной ситуации. Вид плачущей женщины вызывал у них сочувствие и желание помочь, но они боялись нарушить личное пространство, и уместно ли сейчас вмешиваться в чужое горе, особенно когда не знаешь причину ее слез.

Меня охватило любопытство, и я подошел ближе, чтобы понять, что происходит, за моей спиной стояло несколько равнодушных людей. Я подошел к женщине и положил руку на плечо, женщина вздрогнула и повернулась лицом. На вид ей было лет сорок, я на несколько секунд даже замер, увидев перед собой очень красивую и привлекательную женщину. Даже заплаканное лицо не смогло испортить ее природную красоту.

– Извините, у вас что-то случилось? Я как-то могу вам помочь?

Женщина достала из рукава платок, вытерла слезы, мне показалось, что общение сейчас это то, что ей необходимо, ее даже не пришлось уговаривать рассказать причину ее расстройства, она сама начала рассказ:

– Когда-то на этом месте стоял наш дом, наполненный теплом и любовью. Папа много лет строил наш уютный уголок, он смог создать все самое прекрасное под этой крышей. Но счастье кончилось, когда решили дом наш снести, чтобы построить тут микрорайон. Для папы это был удар, который пережить он не смог, от расстройства зашевелился осколок под сердцем, и он умер, не прожив и года в новой квартире. Дом снесли, а вот деревья остались, я приехала на годовщину смерти папы, чтобы вспомнить те счастливые минуты, которые мы провели вместе в этом прекрасном уголке.

Женщина рассказывала свою жизненную историю, и было видно, как она приходит в себя, на ее лице уже стала мелькать улыбка, она становилась еще красивее, когда улыбалась. Женщина провела рукой по дереву, под которым они часто сидели с отцом вечерами. Это было их место, где они делились своими мыслями, мечтами. Она вспомнила, как отец ей рассказывал интересные истории о своей молодости, эти воспоминания были дороже всего на свете. Это дерево, которое посадил ее отец, стало для нее символом их прошлого. Она чувствовала, что отец ее рядом, что он слышит ее, что понимает боль любимой дочери.

– Спасибо вам, люди добрые, – сказала женщина, – мне очень было нужно высказаться, я давно уехала из этого города и никого тут не знаю.

Женщина, которая стояла позади меня, вдруг небрежно меня оттолкнула, подошла к ближе и спросила:

– Извините, а вы случайно не Света Озерова?

Женщина вздрогнула и стала всматриваться в лицо спросившей, и вдруг воскликнула:

– Катя Павловцева!

Две женщины обнялись, на них было приятно смотреть, эта встреча двух подруг детства спустя много лет разлуки.

– Света, какая ты стала красивая! – восхищалась подругой Катерина.

– Ой, да ладно тебе! Ты всегда у нас в школе была самой лучшей красавицей! А помнишь, как мы бегали наперегонки возле нашей школы?

Мне было очень приятно смотреть на двух подруг, которые встретились спустя много лет, но стало неудобно, и я пошел дальше, прошел через двор, и вот уже общежитие. Я поймал себя на мысли, что я буду сейчас есть? Этот вопрос затормозил меня уже на тропинке, я огляделся в надежде увидеть знакомое лицо около общаги, но никого не было, и я обратился к первой проходящей женщине:

– Извините, пожалуйста, – обратился я к женщине в годах, – подскажите, где в вашем городе можно поесть?

Женщина остановилась, оглядела оценивающим взглядом и старательно объяснила, где можно пообедать.

– Вот в этом доме, – женщина показала пальцем, – ресторан «Зуша», но тут дорого, можно пройти чуть дальше до третьей столовой, ты сможешь там на рубль поесть, и очень сытно, и вкусно. Там продают очень вкусные пирожки с повидлом по пять копеек, с мясом по десять! Пойдем, я провожу, мне не по пути, но ничего, мы гостям нашего города всегда рады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.